

Стратегическое мышление и будущая безопасность

Марианн Козуб *

Стратегическое мышление и язык вызовов

Реальность, с которой мы имеем дело в начале второго десятилетия двадцать первого века, ставит вопросы безопасности, и в частности, способы обеспечения безопасности, в центре международного внимания, как с точки зрения настоящего, так и в перспективе будущего. Причины этого не только в революционных изменениях в науке и технологии, но может быть даже в большей степени в характеристиках уже диагностированных и существующих угроз и предполагаемых вызовов для глобальной среды безопасности, на которые еще не найдены достаточные ответы. Фокус этой работы – представление о вызовах и возможностях,¹ порожденных миром в состоянии перехода, с которым мы несомненно имеем дело, в противоположность привычке опираться на «язык угроз», и реактивный, симптоматический подход к ним, которым отличалась в прошлом дискуссия в общности, занимающейся стратегией. Обсуждение новой среды безопасности требует новой системы понятий.

Хотя мы живем во времена, когда угроза полномасштабного глобального конфликта была существенно понижена, появились новые явления, проблемы и события, которые, похоже, оказывают значительное влияние на нашу способность осуществлять и поддерживать в будущем реальную международную стабильность. Эти феномены включают, среди прочего, экономические, социальные, политические и этнические конфликты и кризисы, политическую нестабильность и провалившиеся государства; транснациональную организованную преступность; распространение «оружия массового уничтожения» / «оружия массового воздействия» (ОМУ/ОМВ); темп технологического развития; терроризм; экологические и климатические бедствия; и смещение стратегического внимания к периферии.² Эти явления, однако,

* Марианн Козуб – доцент в польском Национальном Университете Обороны в Варшаве.

¹ Понятие *вызовов* здесь понимается как неотъемлемая часть комплекса прогнозированных событий, явлений, условий, процессов и т.д., которые субъект (организация) должен принимать в расчет в процессе проектирования будущего курса действий. По своей природе, вызовы как субъективны, так и объективны, и их надо рассматривать в равной мере как угрозы и как возможности. Поскольку они не позитивны и не негативны – они «электрически нейтральны» – язык вызовов должен быть языком прогнозов. Тогда вызовом будет любое событие, которое может иметь место, и которое субъекту надо брать в расчет при формировании будущих стратегий, позиций и действий. Cezary Rutkowski, ed., *Менеджмент безопасности в высшем образовании – проблемы исследований и дидактики* (оригинальная публикация: *Zarządzanie bezpieczeństwem jako problem nauki i dydaktyki szkoły wyższej*) (Warszawa: Akademia Obrony Narodowej, 2003).

² Термин «Оружия массового воздействия» (ОМВ) используется в некоторых современных исследованиях по безопасности как контрапункт использованного до этого термина «Оружия массового уничтожения» (ОМУ). Сдвиг оправдан технологическими разработками, которые позволяют конвенциональным вооружением достичь эффективности, рав-

не ограничены одним государством или одним регионом, как это было раньше, следовательно, подход, который рассматривает государство как единственный агент, участвующий в создании своей собственной безопасности, уже не эффективен. Эти явления и угрозы взаимно переплетены, многомерны, транснациональны по своей природе и их появление имеет систематический характер. Внешние угрозы и вызовы—реальные или потенциальные, политического, экономического или психологического характера—в свою очередь, порождают также внутренние проблемы, инициируя цепную реакцию взаимосвязанных явлений. Мы должны помнить, что многие ученые и исследователи в поиске решений и средств эффективной политики и стратегии по безопасности используют богатое наследие существующих в этой области методов. Это ограничивает их возможности найти определенные универсальные особенности угроз безопасности и они рекомендуют такие способы решения проблем, которые не адекватны актуальной ситуации.

События последних двадцати пяти лет для нашего анализа – это, в первую очередь, падение Восточного блока и конец Холодной войны—изменили геостратегическую ситуацию не только в Европе или Америке, но также и в глобальном плане. Разделение Восток-Запад отошло в прошлое и государства Центральной и Восточной Европы пережили глубокую трансформацию, что создало в регионе совершенно новую среду безопасности, требующую стратегического мышления на уровне индивидуальных государств, вместо замыкания в бывшей схеме коллективной безопасности.³ Конечно, многие из старых угроз исчезли или изменились, но

ной эффективности ОМУ. ОМВ является широкой категорией, охватывающей средства энергетической (кинетической) и информационной дестабилизации и дезинтеграции любых систем, поддающихся таким процессам, в частности макросистемы. Marian Kozub, *Среда стратегической безопасности в первые десятилетия двадцать первого века*; в оригинале: *Strategiczne środowisko bezpieczeństwa w pierwszych dekadach XXI wieku* (Warszawa: Akademia Obrony Narodowej, 2009).

³ Стратегическое мышление должно быть основано на интердисциплинарном подходе к стратегическим процессам. Стратегические процессы дефинируются как процессы, которые охватывают все разнообразие непредсказуемых и неопределяемых факторов и которые создают мультивариантные концепции будущего курса событий и линий ситуационного развития. Следовательно, стратегическое мышление включает направленное и сознательное использование воображения, подкрепленное наиболее точными наличными знаниями о будущем, в итоге создающее различные представления и сценарии, которые могут казаться результатом определенного числа одновременных изменений в конкретной среде. В идеале, эти сценарии должны охватывать все возможные условия, в которых организация могла бы функционировать, выделяя большинство неопределенных и непрогнозируемых обстоятельств, которые будут порождать как угрозы, так и возможности.

Искусство стратегического мышления также означает быть в состоянии стремиться к генерированию возможно наилучшей логики в конкретной ситуации, исследуя варианты, приоритизируя цели и способы использования наличных ресурсов, держа в уме мысль, что все надо рассматривать в долгосрочной перспективе. Оно также включает создание системы техник и методов сбора, анализа и синтеза данных, которая позволит реализацию целей, а также размещению императивы постоянного изменения и интегрирования областей, в которых человек оперирует с целью быть в состоянии подготовить организацию к

может оказаться, что с теми, что пришли на их место, будет даже труднее справиться. В таком случае, стратегическое мышление о будущем, и особенно в отношении выбора способов обеспечения и улучшения стратегической среды безопасности,⁴ должно быть внутренним атрибутом функционирования каждой организации, и прежде всего государств и союзов. Надо помнить, однако, что формирование и оформление образов окончательного будущего стратегической среды безопасности во все времена было обречено на неуспех. Это результат того факта, что практически все процессы и события находятся в постоянном изменении;⁵ они ни в коем случае не повторяются одним и тем же образом и следовательно, по определению, непредсказуемы.

Таким образом, будет оправдано иметь ввиду определенные ключевые соображения относительно будущей среды безопасности, и в частности ответы на следующие вопросы:

- Освобождают ли изменчивость и непредсказуемость стратегической среды каждую конкретную организацию от обязанности думать о будущем течении событий?
- Являются ли все попытки предугадать будущее полностью иррациональными?

будущему функционированию, развитию и созданию позитивного образа организации в обществе. И на последнем, но не по значению месте, стратегическое мышление требует рассматривать организацию в ее целостности, а не просто как сумму ее частей. *Management strategique de PME/PMI, Guide methodologique* (Paris: Economica, 1991).

⁴ Стратегическая среда безопасности здесь дефинируется как сфера, состоящая из внешних и внутренних факторов, которая определяет осуществление интересов и стратегических целей государства. В число этих факторов, среди прочих, включаются: геостратегический контекст (условия, отношения, тенденции, проблемы и взаимодействия), вызовы, возможности, угрозы и риски. Их можно анализировать в терминах абстрактных параметров, которые должны быть конкретизированы в отношении организации (страны, региона) или ситуации, или на глобальной основе в конкретной (обычно современной) фазе развития международной реальности, или с точки зрения определенного государства. В этих случаях, стратегическая среда безопасности будет слегка или существенно разной для каждого государства. Стратегические цели в сфере безопасности, следовательно, надо понимать как определенное будущее состояние безопасности государства, которое охватывает необходимости и фундаментальные ценности, находящие выражение в жизненно важных национальных интересах и которое формируется средой и потенциальными возможностями. Для стратегического мышления критически важным является то, что каждое определенное условие должно просчитываться в долгосрочной перспективе. См. Н. R. Yarger, *Strategic Theory for the 21st Century* (Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, United States Army War College, 2006), 17–19.

⁵ Гераклит из Эфеса является автором наиболее общей концепции изменения основного закона мирового порядка («панта реи»). Как он говорил: «Нельзя зайти два раза в одну и ту же реку, потому что новые, и новые воды вечно текут. Они идут вперед и снова назад». William Harris, *Heraclitus: The Complete Fragments* (Middlebury, VT: Middlebury College, 1994), 11; доступно на <http://community.middlebury.edu/~harris/Philosophy/heraclitus.pdf>.

- Как должна функционировать организация (государство, союз) в неопределенном окружении?
- Как нам следует планировать, чтобы достичь целей организации в непостоянных условиях современной и будущей среды?
- Каким может быть контекст будущих социально-военных конфликтов?

Каждая организация и каждый из нас должен обратиться к этим вопросам. Мы должны иметь в виду, однако, что фундаментом этих соображений всегда должна быть безопасность, которая является фундаментальной ценностью и необходимым условием для существования всех групп и организаций. Это особенно верно, поскольку безопасность является категорией, которая охватывает не только самое существование организации, но и ее будущее выживание и дальнейшие возможности для развития. Таким образом, основной сферой интересов организаций и институтов, ответственных за безопасность, должны быть анализ, оценка, диагноз и прогноз условий, характера и динамики перемен в процессе стратегического мышления, с обращением особого внимания на скрупулезное рассмотрение диагностированных угроз, рисков и вызовов, так как точно из этих условий проистекает способ действий, с помощью которого определенный субъект пытается реализовать свои цели. Также мы должны помнить, что такие вызовы охватывают все сферы жизни: политическую, экономическую, военную, информационную, дипломатическую, социальную, научную, экологическую, культурную, духовную и многие другие. Более того, такими вызовами являются не только новые и постоянно появляющиеся процессы и явления, но также и элементы вышеупомянутой системы диагностированных событий и тенденций, которые требуют ответа с помощью глубокого анализа, оценки, диагноза и менеджмента последствий. История и развитие каждой и всякой нации, государства и цивилизации, наряду с прогрессом всей человеческой расы, должны рассматриваться и с точки зрения их потенциала отвечать на вызовы (а не только на угрозы, как было обычно при оценке таких вещей).

Глубинный анализ и оценка вышеупомянутых феноменов может привести нас к заключению, что современное состояние человечества и цивилизации находится в переходе, на культурном и цивилизационном переломе. Потенциал приспособлять стратегические, систематические решения к постоянно появляющимся вызовам незаменим для каждой организации, военного формирования, министерства обороны, государства или союза.⁶ Этот процесс перехода формирует новую структуру международной геополитической и геостратегической системы, что также влияет на будущую глобальную среду безопасности.

Стратегия будущего: вопросы и ответы

Любая попытка характеризовать стратегическое мышление в тенденциях будущей безопасности, следовательно, должна начинаться с перечисления учитываемых

⁶ Janusz Stacewicz, *Мегатренды и их влияние на стратегию и политику развития*; оригинальная публикация: *Megatrendy a strategia i polityka rozwoju* (Warszawa: Elipsa, 1996).

факторов: все-таки мы создаем стратегию.⁷ Существует около 450 работающих определений «стратегии», варьирующих в зависимости от интерпретации, подходов, перспективы или ее применения. Для цели наших рассуждений мы можем выбрать из тех, что основаны на исследовании современных теоретических и практических аспектах стратегии и охватывающие следующие три группы факторов:

- Цель и метод использования власти в государственной политической деятельности⁸
- Уровень определения цели стратегии и способов ее функционирования в государстве (является ли цель краткосрочно тактической, оперативной или, в конечном итоге, стратегической)
- Уровень определения задачи и идентификация средств реализации комплексной задачи.⁹

Считается, что среди трех способов понимания стратегии, упомянутых выше, позволяющим охватить наибольший спектр намерений, является третий подход, который определяет стратегию как процесс определения цели и идентификации средств, с помощью которых возможно реализовать комплексную задачу. В соответствии с этим подходом стратегия является интегральной частью каждого комплексного многоэтапного действия. Это означает или предполагает существование субъекта и охватывает кардинальные компоненты этого субъекта: его цель, средства, ресурсы, методы и окружение, в котором данная организация функционирует. Следовательно, в таком понимании, стратегия – это упорядоченная система предпосылок, решений и выборов, которые выражают принятые и запроектированные характеристики организации в процессе их апробации в контексте обстоятельств, этапов и компонентов курса действий и общих целей, средств, ресурсов, методов, тактик и технологий управления и исполнения. Стратегия определяет вышеупомянутые цели, действия, средства и ресурсы наиболее простым и наиболее общим способом, но в масштабе, необходимом и достаточном для идентификации и одобрения процесса исполнения.

Этот подход предполагает два кардинальных и внутренне присущих атрибута стратегии: ее одновременная субъективность и объективность.¹⁰ Субъективность

⁷ Здесь стратегия дефинируется как здравомыслящая идея или система идей относительно использовании инструментов национальной мощи синхронизированным и интегральным способом, с тем, чтобы достичь стратегические, долгосрочные (стратегического театра, национальные и/или мультинациональные) цели данного субъекта. *JP 1-02: DoD Dictionary of Military and Associated Terms* (Washington, D.C.: U.S. Department of Defense, 15 July 2011), 341.

⁸ Надо отметить, что здесь автор понимает термин «власть» не только в военном смысле, поскольку власть как таковая используется во многих областях государственной деятельности, будь то политика, экономика, дипломатия, информация и т.д. Каждая из этих областей деятельности государства имеет свои средства и ресурсы власти.

⁹ Rutkowski, ed., *Security Management in Higher Education*.

стратегии требует от нас указать, чья это стратегия, кто ее создатель и кто хочет ее реализовать. Объективность стратегии, с другой стороны, обозначает конкретную область (режим, домен или сектор) деятельности нашего субъекта. Что касается субъекта, то поле деятельности нашего субъекта – организации, государства или союза, будет будущей стратегической средой (как считается, до конца второго десятилетия двадцать первого века). Следовательно, при рассмотрении стратегии безопасности каждого конкретного государства мы должны сосредотачиваться на его деятельности в сфере широкого понимания безопасности. Более того, безопасность надо понимать не только как способность отвечать на определенные угрозы средствами грубой силы,¹¹ но и как многомерный спектр действий, направленный на удовлетворение и максимизирование существования, развития, безопасности, стабильности, целостности, идентичности, независимости и жизненного стандарта граждан этого государства. И что более существенно, стратегическое мышление не должно ограничиваться учетом внешних факторов, когда рассматриваются угрозы и вызовы. Внимание должно быть сфокусировано на слабостях и недостатках непосредственно субъекта, так как они могут породить наибольшую опасность для самого существования данной организации.¹²

Это приводит нас к первому значимому заключению относительно стратегического мышления о будущей безопасности: пора перестать думать о безопасности только в терминах «угроз», особенно тех, что нам знакомы и предсказуемы. Это, очевидно, не означает, что мы должны пренебрегать этими традиционными угрозами, но мы должны думать об этих угрозах на тактическом уровне. Поставив соответствующий самодиагноз с тем, чтобы избежать разрывов в слабых местах в наиболее неожиданных моментах, стратегическое мышление должно в первую очередь заняться теми вызовами, которые необходимо рассматривать как возможности. Отсюда решения, которые мы принимаем, когда справляемся с вызовами, рисками и угрозами, стоящими перед нами, должны порождать впоследствии благоприятные возможности.

Давайте здесь обратим внимание на любопытную историческую деталь. И в древнем Китае, и в Римской империи, государственный чиновник, который упустил возможность возвысить славу и мощь государства из-за того, что не оценил точно силу и слабость противника, наказывался жестоко! В наши дни, похоже, имеет смысл вернуться к этой традиции, так как Сун Цзы говорил: «Если ты знаешь врага и знаешь себя, тебе не страшны сотни сражений. Если ты знаешь себя, но не знаешь врага, на каждую твою победу будет приходиться по одному поражению. Если ты

¹⁰ Это не исключает, конечно, акцентирование на объективном или субъективном подходе к стратегии, когда это необходимо.

¹¹ J-P. Charney, *La Strategie* (Paris: Presses Universitaires de France, 1995); переведено на польский Р. Gawliczek (Warszawa: Akademia Obrony Narodowej, 2008).

¹² Jerzy Stańczyk, *Понимание современной безопасности*; оригинальная публикация: *Współczesne pojmowanie bezpieczeństwa* (Warszawa, 1996).

не знаешь ни себя, ни врага, то ты будешь проигрывать каждое сражение».¹³ Применяя эту цепь рассуждений к будущей среде безопасности, мы могли бы прийти к выводу, что пора отказаться от ментальности, сконцентрированной на поиске внешних угроз, и обратиться к более неконвенциональному подходу, основанному в первую очередь на самодиагнозе, и во вторую – на поиске и использовании шансов и возможностей там, где, похоже, меньше всего можно ожидать найти их, так, как делают люди современного бизнеса. Такая деятельность, как правило, должна быть процессом изменчивой и приспосабливающейся динамики, которая должным образом будет реагировать на постоянно изменяющееся окружение, на цивилизационный процесс и на изменяющийся спектр потребностей всех участвующих субъектов.

Объяснив понятие стратегии в области безопасности как установленную систему с четко дефинированными целями, ресурсами и инструментами, мы можем обратиться к следующему существенному вопросу: какие факторы влияют и формируют эти установленные деятельности и в какой степени? Интуитивный ответ мог бы быть, что некоторые из этих факторов будут воздействовать на все аспекты стратегии. К примеру, уровень цивилизационного развития, политические цели и потенциал конкретного государства будут влиять на ценностную систему, на приоритеты, технологическое развитие, доступ к ресурсам, геостратегическую ситуацию и т.д. В таком случае, отбор факторов стратегического мышления о безопасности должен руководствоваться общим и пока не исследованным представлением о том, что «будущее будет очень отличным от всего, что мы сегодня в состоянии себе представить».¹⁴ Но насколько отличающимся от современной ситуации будет будущее? Как будет развиваться глобальная геостратегическая среда? Как будет развиваться понимание безопасности? Как будет меняться природа конфликтов? Будет ли возможно классифицировать их как социальные, политические, военные? Можно ли будет сравнить все эти сущности с другими конфликтами прошлого и настоящего? Ответить на все эти вопросы трудно. Было много попыток найти способ диагностировать курс будущих событий. Теоретики разработали и циклическую теорию истории, и линейную теорию истории и цивилизации, которая прослеживает развитие всех великих мировых религий, но ни одна из попыток историков не дала нам готового и дуракоустойчивого набора инструментов, позволяющего нам справляться с неопределенностью будущего. Существуют постмодерные теории, которые, как предполагалось, будут учитывать непостоянство сегодняшнего дня и непредсказуемость завтрашнего, но несмотря на их гибкость, неконвенциональность и упор на воображение, вместо упора на рациональный прогноз, они также не смогли удовлетворить нашу потребность в надежных предсказаниях. Может быть, проблема здесь кроется в нашем обычном человеческом нежелании ме-

¹³ Sun Tzu, *The Art of War*, перевод с китайского: Lionel Giles, 1910; смотри www.chinapage.com/sunzi-e.html.

¹⁴ Peter F. Drucker, *Post-Capitalist Society* (New York: Harperbusiness, 1994).

няться и в нашей неспособности принять, что будущее на самом деле может быть невообразимым.

И как следствие, стратегический анализ, оценка и прогноз вызывают глубокую тревогу, которая знакома человечеству испокон веков. Таким образом мы пытались приручить ее, устанавливая правила и законы, с тем чтобы привести хаос к порядку. Мы создали определенные представления о наших потребностях, интересах, стратегиях и отношениях с другими участниками этого кажущегося установленного порядка. Но порядок, который нам знаком, и вместе с ним стратегическое мышление о стратегии меняется, и его невозможно оформить в четко определенном стиле, что было нормой во время Холодной войны. Благодаря множеству вышеупомянутых факторов изменения, стратегическая среда безопасности находится в постоянной эволюции и вместо стратегического баланса мы сталкиваемся с ситуацией неустойчивого, многомерного равновесия. Таким образом, наше стратегическое мышление должно адаптироваться и развиваться, чтобы соответствовать новым условиям, даже если оно не всегда за ними успевает. Безопасность в настоящее время едва ли является четко определенным и устойчивым состоянием. Скорее, это комплексный, многомерный процесс, который меняет свой масштаб, форму, характер и структуру, в результате чего отношения между разными действующими лицами на международной арене изменяются и развиваются, имеют место новые проблемы и явления, баланс глобальных сил колеблется и появляются новые вызовы. Более того, наряду с различными возможностями и вызовами, мы сталкиваемся с избытком угроз, неизвестными до сих пор, или с такими, которые скрытно развивались в течении многих лет. Все вышеупомянутое определяет форму среды безопасности, влияет на условия, в которых развивается общество и таким образом является решающим фактором для темпа и направления развития безопасности. Следовательно, это состояние постоянного метаморфоза вынуждает нас создавать способы применения новых решений, связанных с использованием мягкой и жесткой силы, вместе с другими инструментами стратегии.

Современная стратегическая среда безопасности и парадигма сдвига

Имея ввиду изменения, обсуждаемые выше, возникают следующие вопросы. Как мы можем охарактеризовать современную стратегическую среду безопасности? Насколько все изменилось с конца Холодной войны? Как все развивалось и, что более важно, как будет изменяться в будущем? Каковы отличительные черты нового пейзажа безопасности и какие из знакомых указателей исчезли? При рассмотрении этих вопросов мы должны держать в уме одну из ключевых характеристик сегодняшней глобальной среды безопасности: рост глобальных диспропорций и асимметрий.¹⁵ Очевидным примером растущих несимметрий являются такие явления, как неожиданное поведение со стороны государств и других действующих сил,

¹⁵ Я определяю «асимметрию» как особенность, означающую разные формы диспропорции, диверсификации и дисгармонии. Следовательно, «асимметризация» — это процесс, в котором появляются эти диспропорции.

неодинаковые цели и интересы, неравный доступ к природным ресурсам, глубокие различия в потенциале и в мощи (особенно растущее неравенство на уровнях социальных условий и социального развития). Эти диспропорции наиболее ясно видны между глобальным Севером, который считается богатым, и бедным, конфликтным Югом, чье будущее ненадежно, так как регион сам по себе непредсказуем. Существующая асимметрия также подтверждается тем фактом, что богатый Север заинтересован в защите прав человека, в утверждении и развитии демократии, в предотвращении терроризма и борьбе с ним, и в ограничении распространения ОМУ. Как правило, Северные общества хотят жить в предсказуемой, безопасной среде, с четко определенными нормативными рамками, в стабильном и сбалансированном мире. В этих странах доминирует «западно-центрический» образ мышления, сформированный на основе либеральных и демократических ценностей, направленный на установление глобальной стабильности и безопасности с целью создать необходимые условия для дальнейшего развития и благоденствия. С другой стороны, глобальный Юг и, в особенности, Африка, ближний Восток и множество азиатских государств, вместе с Южной Америкой во многих (конечно, не во всех) случаях, не только перестал пытаться преодолеть вышеупомянутые проблемы, но даже не пробует уменьшить их и устранить их вредные последствия. И что важнее, эти регионы являются питомником для таких явлений, как терроризм и незаконное производство и распространение ОМУ. Они также часто не принимают принципа демократического правления, вместо этого порождая тоталитарные режимы и диктатуры. Политической тактикой, часто выбираемой этими государствами является «короткий» путь – чтобы усилить свои позиции и свою власть, они отказываются действовать в соответствии с международными правовыми нормами и демократическими правилами. Север и Юг, более того, понимают власть и используют ее по разному. На Юге военная сила является базисом и незаменимым инструментом, который определяет позицию государства, формирует его успех на политической арене и служит основным способом влияния на соседние государства и регионы. Следовательно, военная сила становится решающим элементом в определении силы и слабости конкретного государства и в результате является фактором, определяющим положение государства в локальной или региональной иерархии.¹⁶

Важно держать в уме то, что необходимость изменения нашей точки зрения и подхода к будущей среде безопасности убедительно обоснована парадигмой сдвига существующих угроз. Как Роберт Стийл заявляет в *Новом мастерстве разведки*, «новые» угрозы, в противоположность «старым», не будут напрямую связаны с определенным состоянием и не будут происходить из них.¹⁷ Их характерными чер-

¹⁶ Adam Leszczyński, “UN: Overhaul or Demolition”; в оригинале: “ONZ. Remont czy rozbiora?,” *Gazeta Wyborcza* (12 August 2005); доступно на <http://serwisy.gazeta.pl>.

¹⁷ Парадигма «старых» угроз фокусируется на угрозу ядерных и конвенциональных вооружений, которые могут быть четко определены как принадлежащие конкретному государству. Такие потенциалы предназначены для конвенционального поля боя в соответствии с оперативными планами с четко расписанными фазами. Использование этих видов оружия также регулируется четко определенными правилами и доктринами, следова-

тами будут неконвенциональность, транснациональность, очень динамичный характер и нерегулярность проявления.¹⁸ Считается, что с этими угрозами нельзя будет справиться, придерживаясь прежних или установившихся текущих доктрин, и следовательно, их будет труднее преодолеть. Их устранение будет еще более трудной задачей благодаря расширяющимся связям между транснациональной организованной преступностью и терроризмом, в сочетании с распространением коррупции, что также усиливает асимметризацию будущих угроз глобальной безопасности.

Учитывая факт, что характер нынешних угроз отличается существенно от тех, с чем мы сталкивались десять или пятнадцать лет назад, и что способы реакции, которые мы разработали, недостаточно хороши, мы должны признать, что модель будущей безопасности посредством стратегического мышления должна быть гораздо более инновативной, неконвенциональной и гибкой. Это особенно верно в свете того факта, что стратегические дилеммы новой реальности будут становиться не только более динамичными и непредсказуемыми, но также количественно и качественно отличными от дилемм предыдущего десятилетия. Это становится очевидным, когда мы рассматриваем современные угрозы и глобальные проблемы, которые быстро распространяются, не считаясь с территориальными или географическими ограничениями. Масштаб и темп этого распространения может не только легко подорвать экономику суверенного государства, причиняя страх, хаос и социальную нестабильность, он в состоянии усугубить такие проблемы, как глобальный голод и бедность, не говоря уже о возможности причинить существенные инфраструктурные и человеческие потери. Критически важным является понимание того, что эти новые угрозы больше не результат государственного интервенционизма, как мы привыкли воспринимать их в биполярном мире. Скорее они проистекают от существенных стратегических изменений политического, социального, экономического и военного характера, изменений, что происходят на уровне, выходящим из-под контроля со стороны любого государства. К тому же, эти запутанные комплексные проблемы становятся взаимосвязанными и неразрывно переплетаются, как в случае невозможности отделить терроризм от организованной преступности. Подобным образом невозможно вести войну против только одного явления, исключая все остальные источники конфликтов и угроз.¹⁹

А что насчет реальности и наших ответов угрозам? К сожалению, мы еще придерживаемся симптоматического способа реакции. Вместо того, чтобы работать в

тельно, фаза развертывания может быть легко установлена. Из: Marian Kozub, «Мировая безопасность в первых десятилетиях двадцать первого века», в сборнике *Современные измерения терроризма*; оригинальная публикация: «Bezpieczeństwo Świata w pierwszych dekadach XXI wieku,” in *Współczesny wymiar terroryzmu*, ed. Z. Piątek (Warsaw: National Security Bureau, 2006).

¹⁸ Robert D. Steele, *The New Craft of Intelligence: Achieving Asymmetric Advantage in the Face of Nontraditional Threats* (Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, United States Army War College, 2002), 5–7.

¹⁹ Robert Hall and Carl Fox, “Rethinking Security,” *NATO Review* 49:4 (Winter 2001).

превентивной и упреждающей манере, как следовало бы, мы ограничиваем наши действия контрмерами, принимаемыми тогда, когда угроза уже себя проявила. Мы реагируем по-отдельности на наблюдаемые, очевидные симптомы, вместо того, чтобы предпринимать комплексные, целостные действия для разрешения комплексных проблем. В дополнении к сказанному, временной горизонт и масштаб нашего мышления слишком ограничены, предоставляя слишком короткий срок для настоящего стратегического обдумывания и действий в области безопасности.²⁰ Мы также, похоже, не понимаем того, что то, что мы делаем в этом отношении, недостаточно, если рассматривать не только наши реакции на уже диагностированные угрозы, но также и на угрозы, которые только появляются на горизонте. Парадоксально, но все вышеупомянутое имеет место во времена, которые, как нам известно, существенно отличаются от тех, что мы знали раньше, во времена, когда цивилизационный переход требует новой точки зрения, свежих когнитивных способностей и иного способа мышления. Будущая среда безопасности нуждается в совершенно новой философии взамен модифицированной общей тактики, реакции и адаптации, потому что, без сомнения, перед нами новая революция – революция философии жизни, организации, менеджмента.

Стратегическое мышление о будущем

Потребность думать стратегически о будущей безопасности произрастает не только из осознания перемен в социальной структуре государств и эволюции международной среды, которые могут быть источником угроз, но также и из тех вызовов и возможностей, которые появляются в этом контексте. Вопросная потребность также усиливается тем фактом, что нынешняя безопасность, благодаря растущему числу вовлеченных субъектов, становится все более комплексной областью.

Генерирование безопасности в первые десятилетия двадцать первого века, с учетом таких явлений как рост населения, экологические изменения, глобализация, распространение ОМУ, экстремистские идеологии, терроризм (в ранее неизвестных формах, таких как кибертерроризм и супертерроризм²¹), вместе с быстрым технологическим развитием заставит институции, ответственные за безопасность, предвидеть множество (и все более невозможных) сценариев, связанных с потенциальным использованием насилия. Религиозные и этнические конфликты, изменение климата, глобальная торговля наркотиками, массовая миграция, региональная не-

²⁰ Работаем ли мы с таким же жаром при планировании будущего развития и расширения, как при обеспечении нынешней оперативной эффективности и сокращения структур? Мы расходует меньше двух процентов нашего времени на обдумывание и создание будущего в масштабе месяца, – это только полдня. Gary Hamel and C.K. Prahalad, *Competing for the Future* (Boston, MA: Harvard Business School Press, 1996), (Polish edition: *Przewaga konkurencyjna jutro. Strategie przejmowania kontroli nad branżą i tworzenia rynków przyszłości*, Warszawa: Business Press, 1999).

²¹ «Супертерроризм» является формой терроризма при которой могут быть использованы оружия массового уничтожения. *Lexicon of the New Terrorism* (Santa Monica, CA: RAND Corp., March 1998).

стабильность, транснациональная организованная преступность, эпидемии, нехватка ресурсов, приватизация насилия и появление негосударственных агрессивных групп влияния, – все это по своей природе не ограничено территориально или юридически. Следовательно, их трудно предотвратить и часто также трудно идентифицировать и наказать виновных.²² Мы можем четко вывести, что все эти взаимосвязанные и неразрывно переплетенные вопросы, проблемы и вызовы, которые появляются в сетевой реальности сегодняшнего дня, делают безопасность предметом, который сильно подвержен широкому спектру негативных влияний. Считается, что из всего вышеперечисленного две тенденции в наибольшей степени влияют на будущую среду безопасности: глобализация и информационная революция, так как в новой эре электронных коммуникаций очень легко дестабилизировать именно эту сферу.

Как обсуждалось выше, безопасность суверенных государств не лимитируется только их территориальными размерами, заключенными в государственные границы. Традиционные физические государственные границы не защищают нас от экспансии удаленных угроз, как было показано недавним распространением летальных вирусов гриппа или волной революций в арабском мире. Сейчас, в эпоху, когда Интернет стал средством глобальной коммуникации в реальном времени, достаточно одна речь, чтобы воспламенить толпу и подтолкнуть ее к действиям, как было в случае недавней речи Папы Бенедикта, которая вызвала массовые протесты среди мусульманского населения от Западного берега через Катар, Иран, Турцию и пересекая моря в Сомали и Малайзии.²³ Ульрих Бек объясняет этот феномен как «глобализация эмоций»:

Конфликт между израильтянами и палестинцами может вспыхнуть в центре любого другого государства и стать угрозой для отношений между еврейской общностью и остальными гражданами. Вопросом прошлого является также теория идентичности, общества и политики, основанных на представлении, что мы живем в отдельных друг от друга государствах, как будто мы живем в отдельных контейнерах. Поскольку трансляции войн и их жертв стали обычными в глобальной «телевизионной деревне», насилие в одной части света может вызвать отклик во многих других местах. Под влиянием волнующих сцен страданий и смерти гражданского населения и детей в Израиле, Палестине, Ираке или Африке, современный гражданин вынужден занять соответствующую позицию и следовательно, рождается транснациональная причастность.²⁴

²² Marian Kozub, «Характер угроз и конфликтов в первых десятилетиях двадцать первого века»; в оригинале: “Charakter zagrożeń oraz konfliktów zbrojnych w pierwszych dekadach XXI wieku,” *Myśl Wojskowa* 1 (2006).

²³ В лекции, прочитанной в Ревенсбурге, Германия, 12-го сентября 2006, Папа ассоциировал ислам с насилием. A. Bostom, “The Pope, Jihad and Dialogue,” *The American Thinker* (19 September 2006); доступно на <http://archive.frontpagemag.com/readArticle.aspx?ARTID=2533>.

²⁴ Ulrich Beck, “Half-blind,” *Forum* (16–22 February 2004) (перевод цитата с польского издания, “Ślepi na jedno oko,” Warsaw, 2004).

Очевидно, в будущем мы, вероятнее всего, столкнемся с даже более расширенной «глобализацией эмоций», и этот феномен может оказаться особенно значимым и опасным в мультикультурных, этнически сложных и идеологически или религиозно расколотых обществах. Мы должны иметь в виду, что будущие события, формирующие и влияющие на будущую глобальную среду безопасности, имеющие место в отдаленных частях света через механизм глобализации и развития современных средств коммуникаций в реальном времени, будут влиять на безопасность всей мировой системы и будут в состоянии заявить о себе в самых неожиданных местах земного шара. Эта взаимная зависимость и ее влияние на глобальную систему безопасности была хорошо описана Робертом Капланом, который констатировал, что в ближайшем будущем мы можем стать свидетелями катастрофически распространяющихся цепных реакций. Террористическая атака в одной части света может вызвать военную реакцию где угодно, что спровоцирует волнения в третьем месте, приведя к перевороту в одном из главных государств.²⁵

Аналитики, специализирующиеся на менеджменте организаций, предсказывают, что наиболее значительные будущие перемены следует ожидать на «периферии» мира – в местах, как бы находящихся в стороне от главного течения политической и экономической активности, вдалеке от районов основных интересов главных игроков на международной сцене. На эту характерную черту постмодерного мира, среди прочих, акцентировал внимание Джордж Сорос, который утверждает, что парадокс глобализации в том, что наша безопасность не зависит от лидеров великих суперсил, а зависит от режимов, которые правят на периферии мира.²⁶ Этот тезис согласуется с предсказаниями Самюэля Хантингтона, который заявил, что периферии цивилизации, точки пересечения и пограничные территории культур являются местами, где легко могут появиться конфликты, столкновения, нестабильности и кризисы.²⁷ В наше время эти места называют «дугами нестабильности». Следовательно, периферийные районы должны быть объектом особого внимания и исследования, с подобающим вниманием к сосуществованию и отношениям между разными культурами, религиями, идеологиями и политическими системами, также как к потенциальным конфликтам, которые могут проистекать из них.

Другая интересная теория, относящаяся к обсуждаемым здесь вопросам, это теория французского социолога Пьера Хасснера, который заметил, что современный мировой порядок является порядком только по названию, так как мы живем в эпохе, характеризующейся глубоким разнообразием политических решений и политических творений, а также и хаосом конфликтов и союзов между ними.²⁸ С

²⁵ Robert Kaplan, “Cowboy on the Tiger”; translated from the Polish edition, “Kowboj na tygrysie,” *Tygodnik Forum* (8–14 April 2002).

²⁶ Интервью Фернандо Гуалдони с Джоржем Соросом; Заглавие на польском: “Kto usztywnia kruche racje,” *Tygodnik Forum* (16–22 May 2005).

²⁷ Samuel Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*; Polish edition, *Zderzenia cywilizacji i nowy kształt ładu światowego* (Warsaw: Muza, 1998).

²⁸ Pierre Hassner, “The Age of Uncertainty”; Заглавие на польском: “Stulecie niepewności,” *Europa. Tygodnik idei* (30 June 2007): 13–14.

другой стороны, философ Джон Грей утверждает, что западные общества увядают, а поднимающиеся силы раздраются конфликтами, которые делают мир все более конфликтным и разделенным; таким образом очевидное решение заключается в том, чтобы поставить фокус на развитие международного сотрудничества.²⁹

Заключение

Все рассмотренные выше соображения приводят нас к важным заключениям относительно будущей среды безопасности. Прежде всего, форма стратегической среды безопасности, и таким образом, стратегическое мышление о реальности, с которой мы будем встречаться в течении следующих десяти лет, будет определяться такими решающими факторами, как темп и направление широкого спектра цивилизационных перемен. Когда эти изменения будут окончательно признаны цивилизационными мегатрендами, будет легче предсказать направления дальнейшего развития стратегической среды. Второе, тщательный анализ этих трансформаций позволит нам более точно диагностировать будущие вызовы—как угрозы, так и возможности—и разработать возможные сценарии риска, так же как и принять соответствующие меры против них. И последнее, но не по значению, – мы должны помнить, что растущая взаимная зависимость действующих на поле безопасности лиц постоянно расширяет спектр субъектов, ответственных за обеспечение безопасности. В открытом, глобализованном мире, эта ответственность должна дальше расширяться и преодолевать установленные ограничения и разделения. В новом словаре сегодняшней и завтрашней стратегической мысли должны иметь приоритет такие ключевые понятия, как «упреждение», «антиципация», «создание» и «воображение», взамен старых концепций «адаптации», «реакции» и «следование», даже если в итоге мы окажемся вовлечены в гонку. Это и есть новый язык стратегического мышления о будущем.

²⁹ Glyn Morgan, “Gray’s Elegy for Progress,” *Critical Review of International Social and Political Philosophy* 9:2 (June 2006): 227–41; доступно на http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic207175.files/morgan_gray.pdf.

Литература

- Beck, Ulrich. "Half-blind." *Forum* (2004).
- Charney, J-P.. *La Strategie*. Paris: Presses Universitaires de France, 1995.
- Drucker, Peter F.. *Post-Capitalist Society* . New York: Harperbusiness, 1994.
- Hall, Robert, and Carl Fox. "Rethinking Security." *NATO Review* 49:4 (2001).
- Hamel, Gary, and C.K. Prahaland. *Competing for the Future* . Boston, MA: Harvard Business School Press, 1996.
- Harris, William. *Heraclitus: The Complete Fragments*. Middlebury, VT: Middlebury College, 1994.
- Hassner, Pierre. "The Age of Uncertainty, Polish title "Stulecie niepewności." *Europa. Tygodnik idei* (2006).
- Kaplan, Robert. "Cowboy on the Tiger, Kowboj na tygrysie." *Tygodnik Forum* (2002).
- Kozub, Marian. "The Character of Threats and Conflicts in the First Decades of the Twenty-first Century." *Myśl Wojskowa* 1 (2006).
- Leszczyński, Adam. "UN: Overhaul or Demolition?"; "ONZ. Remont czy roz-biórka?" *Gazeta Wyborcza* (2005).
- Morgan, Glyn. "Gray's Elegy for Progress." *Critical Review of International Social and Political Philosophy* 9, no. 2 (2005).
- Stacewicz, Janusz. "Megatrends and the Strategy and Politics of Development; Megatrendy a strategia i polityka rozwoju ." (1996).
- Stańczyk, Jerzy. *Understanding Contemporary Security.*, 1996.
- Steele, Robert D.. *The New Craft of Intelligence: Achieving Asymmetric Advantage in the Face of Nontraditional Threats*. Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, United States Army War College, 2002.
- Tzu, Sun, and Thomas Cleary. *The Art of War*. Boston: Shambhala, 1988.
- Yarger, H. R.. *Strategic Theory for the 21st Century* . Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, United States Army War College , 2006.